

ЗАКЛЮЧЕНИЕ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ КАК ИСТОЧНИК ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШЕННЫХ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОЙ ГРУППОЙ

Н. П. Папоян, natalia@papoyan

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия

Аннотация. Доказывание по делам о преступлениях экономической направленности, совершенных организованной группой лиц, вызывает затруднения вследствие их высокой латентности, сложности в выявлении конечных бенефициаров их совершения, противодействия расследованию. В статье рассматриваются возможности использования результатов судебной лингвистической экспертизы в расследовании указанной категории уголовных дел. Предложены варианты использования выводов эксперта-лингвиста для получения следующих сведений: содержание разговоров, ведущихся с использованием кодового языка; распределение ролей и функций участников группы; установление организатора или руководителя преступной группы, организации или сообщества.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, преступления экономической направленности, организованная преступная группа, доказательства.

Для цитирования: Папоян Н. П. Заключение судебной лингвистической экспертизы как источник доказательств при расследовании преступлений экономической направленности, совершенных организованной преступной группой // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2023. Т. 23. № 4. С. 19–26. DOI: 10.14529/law230403.

Original article
DOI: 10.14529/law230403

CONCLUSION OF FORENSIC LINGUISTIC EXAMINATION AS A SOURCE OF EVIDENCE IN THE INVESTIGATION OF ECONOMIC CRIMES COMMITTED BY AN ORGANIZED CRIMINAL GROUP

N. P. Papoyan, natalia@papoyan.net

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

Abstract. Proving in cases of economic crimes committed by an organized group of persons causes difficulties due to their high latency, difficulty in identifying the ultimate beneficiaries of their commission, and resistance to the investigation. The article discusses the possibilities of using the results of forensic linguistic examination in the investigation of this category of criminal cases. Options are proposed for using the conclusions of a linguist expert to obtain the following information: the content of conversations conducted using a coded language; distribution of roles and functions of group members; identification of the organizer or leader of a criminal group, organization or community.

Keywords: forensic linguistic examination, economic crimes, organized criminal group, evidences.

For citation: Papoyan N. P. Conclusion of forensic linguistic examination as a source of evidence in the investigation of economic crimes committed by an organized criminal group. *Bulletin of the South Ural State University. Series "Law"*. 2023. vol. 23. no. 4. pp. 19–26. (in Russ.) DOI: 10.14529/law230403.

Использование заключения судебной лингвистической экспертизы в качестве источника доказательств у многих практиков и ученых-процессуалистов ассоциируется прежде всего с расследованием уголовных дел экстремистской направленности. Действительно, в СМИ часто освещаются резонансные уголовные дела, в которых выводы лингвистической экспертизы ложатся в основу обвинения в экстремизме. Но судебная лингвистическая экспертиза обладает значительно большим потенциалом. Этот потенциал можно эффективно использовать при расследовании преступлений экономической направленности, совершаемых организованной преступной группой. Данные преступления совершаются высокоинтеллектуальными преступниками и характеризуются не только высокой латентностью, но и серийностью, активным использованием высоких технологий, интенсивным противодействием расследованию. Оптимальное использование результатов лингвистических экспертных исследований позволяет сформировать максимально полную доказательственную базу по таким уголовным делам.

Возрастающая актуальность обращения к судебной лингвистической экспертизе по исследуемой категории дел обусловлена тем, что эффективность их расследования и раскрытия зависит от использования в доказывании криминалистически значимой информации, которая передается в процессе общения между членами преступного сообщества по техническим каналам связи [4, с. 5].

Преступления в сфере экономики перечислены в разделе VIII Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Понятие «преступления экономической направленности», наряду с понятиями «экономические преступления», «преступления в сфере экономики», «преступления в сфере экономической деятельности, сегодня прочно вошло в категориальный аппарат криминологии и уголовного права, широко используется практиками работниками правоохранительных органов [14, с. 121]. Однако среди авторов имеются разногласия в определении термина «преступления экономической направленности», некоторые относят к ним только статьи из гл. 22 УК РФ, другие – весь раздел VIII УК РФ. Из имеющихся в научной литературе вариантов трактовки данного понятия учеными Ф. Н. Багаудиновым [1], А. В. Привало-

вым [13], О. В. Растороповой, А. Д. Нечаевым [14], И. И. Рожковым [15] целям нашего исследования наиболее соответствует определение, предложенное О. В. Растороповой и А. Д. Нечаевым. Указанные авторы относят к числу признаков, в совокупности характеризующих преступления экономической направленности, во-первых, совершение преступления в процессе производственно-хозяйственной и (или) финансовой деятельности, под видом такой деятельности либо против нормального осуществления такой деятельности, во-вторых, экономическая мотивация в основе преступления [14, с. 123]. Но вместе с тем разумно учитывать практическую сторону вопроса. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации при анализе количества преступлений экономической направленности относит к ним такие преступления, как незаконная банковская деятельность, лжепредпринимательство, легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных незаконным путем, незаконное получение кредита, злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности, преднамеренное банкротство, коммерческий подкуп, уклонение от уплаты налогов, контрабанда и ряд других преступлений.

Отметим проблемные вопросы в выявлении, расследовании и раскрытии групповых преступлений экономической направленности. Основной проблемой расследования указанных преступлений ученые считают недостаточность разработанности общей и частных методик расследования преступлений в сфере экономической деятельности. Это приводит к тому, что должностные лица, на которых возложено возбуждение уголовных дел в сфере экономики и привлечение к ответственности виновных, остерегаются реализовать свои полномочия. У них возникают опасения невозможности получения достаточных доказательств виновности лиц, заподозренных в совершении групповых преступлений экономической направленности [5, с. 93]. К тому же высокий уровень латентности данных преступлений связан со скрытостью субъектов и конечных бенефициаров их совершения [11, с. 54].

Существенным фактором незначительного количества установленных членов организованных преступных групп и руководителей преступных сообществ остается проблема не-

принятия мер к необходимому оперативному документированию преступных связей между их участниками. Этим же обусловлено отсутствие данных, указывающих на такие существенные признаки, как системность, устойчивость, получение экономической выгоды, что осложняет доказывание именно организованного характера при формировании преступного умысла [10, с. 115].

Исследователи методического обеспечения расследования экономических преступлений, совершенных организованными группами, отмечают: «Один и тот же документ может быть преподнесен и как уличающее доказательство и как оправдывающее». Важно то, насколько сможет понять механизм конкретных экономических отношений то или иное должностное лицо, наделенное правом принятия процессуальных решений. Названное делает работу по доказыванию вины конкретных лиц в совершении экономических преступлений очень сложной [5, с. 93].

Способствовать преодолению перечисленных препятствий, отчасти заполнить лакуны методического обеспечения расследования рассматриваемых видов преступлений способна судебная лингвистическая экспертиза.

Деятельность по созданию преступного сообщества и руководству таковым состоит преимущественно из актов речевого общения. Поэтому «следовая картина, возникающая в процессе функционирования преступного сообщества, наиболее полно отражается в содержании коммуникативных связей его участников при подготовке и совершении преступлений, осуществлении денежных расчетов, сокрытии и отмывании преступных доходов, и, соответственно, точно отражает структуру преступного формирования» [9, с. 42]. Следовательно, лингвистические экспертные исследования коммуникации организованной группы лиц приобретают большое значение.

Судебная лингвистическая экспертиза – это процессуальное действие, состоящее из исследования текста и завершающееся дачей письменного заключения эксперта по вопросам, разрешение которых требует применения специальных лингвистических знаний, в целях установления фактов и обстоятельств, имеющих значение доказательств [6, с. 22]. Объектом судебной лингвистической экспертизы всегда выступает текст. В случае с преступлениями экономической направленности носителями объекта лингвистической экспер-

тизы чаще всего являются фонограммы телефонных переговоров. Вместе с тем настоящее время характеризуется перемещением активной коммуникации в мессенджеры. Участники преступных групп не стали исключением, все чаще объектом судебной лингвистической экспертизы является переписка в мессенджерах, социальных сетях. Как и в случае с телефонными переговорами, в распоряжение эксперта предоставляется максимально полный массив текстов, который в дальнейшем структурируется в дискурс полного коммуникативного взаимодействия.

Перед экспертом-лингвистом могут быть поставлены вопросы о том, идет ли в разговорах речь о той или иной совместной деятельности; каковы основные темы и смысловое содержание разговоров, к какой коммуникативной сфере они относятся; имеются ли речевые признаки статусного иерархического положения коммуникантов и речевые признаки того, что участники коммуникации представляют собой организованную группу или организацию [3, с. 36].

В типовой экспертной методике «Лингвистическое исследование устных и письменных текстов», используемой в системе МВД РФ, предлагается решение следующих вопросов (перечислены те, что имеют значение для исследуемой темы).

1. Решение вопросов о предмете речи, о речевом выражении каких-либо фактов действительности или положения дел.

А. Имеются ли в тексте, представленном на исследование, признаки маскировки его содержательных элементов? Если да, то можно ли определить значения скрытых элементов текста либо их характеристики?

Б. Идет ли речь в представленных на исследование разговорах о передаче денежных средств от одного собеседника другому? Каковы речевые указания на предназначение этих денежных средств?

2. Решение вопросов о наличии волеизъявления, о роли и функции участников коммуникации.

А. Имеются ли в представленном тексте признаки побуждения к каким-либо действиям? Если да, то каковы роли и функции собеседников в представленной речевой ситуации, каков характер волеизъявления участников коммуникации (просьба, предложение, требование, принуждение и др.) и о каких действиях и их субъектах, событиях и их участниках,

а также обстоятельствах действий или событий идет речь?

Б. Каковы роли и функции собеседников в представленной на фонограмме речевой ситуации и о каких действиях и их субъектах, событиях и их участниках, а также обстоятельствах действий или событий идет речь? [8, с. 250–272]

Рассмотрим доказательственные сведения, которые получит субъект доказывания по результатам судебной лингвистической экспертизы, задавая указанные выше вопросы.

Организованные преступные группы (организации, сообщества), действующие на протяжении длительного времени, зачастую для общения между членами группы используют секретный (кодовый, символичный) язык. Необходимость создания кодового языка обусловлена потребностью скрывать свои планы, намерения, способы преступных действий от правоохранительных органов. Лексика кодового языка отдельной преступной группы не находит свое отражение в лексикографических источниках, вследствие чего затрудняется понимание устных и письменных текстов, полученных в ходе расследования. Особенно это актуально в случае незаконной производственной деятельности, когда производимой продукции и ее комплектующим присваиваются специальные названия.

В качестве примера приведем случай использования кодового языка в телефонных переговорах при совершении преступления, предусмотренного ст. 187 УК РФ «Неправомерный оборот средств платежей». Члены организованной преступной группы занимались нелегальным изготовлением голограмм, которые в дальнейшем использовались для создания банковских карт. В телефонных переговорах использовались слова: «термо», «наклейки», «добро», «продукция». Например, в высказываниях «М2: Да, потому что это, шас у нас вообще, будет супер все. У нас как бы... Если твоя продукция не подведет... М1: Я понял. М2: То у нас не будет отличимо вообще от оригинала». В данном примере языковым репрезентантом понятия «голограмма» в тексте является также слово «продукция», контекстуально и семантически связанное со словами «голограмма», «голографическое производство», «голографические наклейки», в котором значение «голограмма» представлено имплицитно.

При расследовании уголовного дела по

факту ведения незаконной предпринимательской деятельности без государственной регистрации, а именно реализация спиртосодержащей продукции, полученной посредством железнодорожного транспорта, обнаружилось, что в телефонных переговорах подозреваемые использовали кодовый язык для маскировки наименований, например, «хорек» (наименование спиртосодержащего продукта «Хортица»), «талая» (наименование спиртосодержащего продукта «Талка») и т.д. Перечисленные лексические единицы не нашли своего отражения в словарях воровского, тюремного, наркоманского жаргона и других словарях ненормативной лексики. Результаты лингвистического анализа контекста для выявления значения указанных лексических единиц способствовали более полному пониманию содержания телефонных переговоров и, как следствие, формированию совокупности доказательств.

Одним из важных этапов расследования уголовного дела является собирание сведений о передаче денежных средств и их предназначении. Подозреваемые при предъявлении переговоров в виде устных и письменных текстов зачастую отказываются связывать переданные денежные средства с ведением незаконной деятельности. В этом случае целесообразно обратиться к эксперту-лингвисту с постановкой следующих вопросов: «Идет ли речь в представленных на исследование разговорах о передаче денежных средств от одного собеседника другому? Каковы речевые указания на предназначение этих денежных средств?». Например, при расследовании уголовного дела по факту ведения незаконной предпринимательской деятельности были выявлены также факты коммерческого подкупа. Результаты лингвистической экспертизы подтверждали данные деяния: «Денежные средства, в соответствии с условиями договоренности, предназначены для передачи лицам М2, М4 в обмен на получение документов, представляющих собой «результат проверки», «акт обследования».

В некоторых случаях единственным доказательством участия отдельного лица в конкретном эпизоде преступной деятельности служит содержание телефонного разговора или переписки в мессенджере. Если в такой ситуации понять смысл сказанного и, как следствие, использовать данное вещественное доказательство в расследовании следователю

не представляется возможным, целесообразно назначить судебную лингвистическую экспертизу с постановкой вопроса о предмете речи, содержательной стороне фактов действительности. Также следует поступить в случае, когда подозреваемые отрицают, что зафиксированные разговоры ведутся о ведении противозаконной деятельности, настаивают на том, что в разговорах обсуждались законные действия. В таких случаях судебная лингвистическая экспертиза может быть назначена для решения вопроса «Можно ли, исходя из содержания разговоров сделать вывод о том, что лицу, обозначенному в протоколе прослушивания вышеуказанных телефонных переговоров как «М», известно, что он занимается чем-то противозаконным?». Так, при расследовании многократных хищений металлических изделий из грузовых вагонов подвижного состава обнаружилась связь владельца пункта приема металлолома с организованной преступной группой, осуществлявшей хищения. Подозреваемый на допросах указывал, что не имел представление о противозаконном характере действий членов группы, не знал, что члены группы сдавали в пункт приема металлолома похищенные металлические изделия. Содержание телефонных переговоров подозреваемого с другими участниками группы ставило под сомнение данные показания. По результатам лингвистической экспертизы следователь получил сведения о том, что подозреваемый осознавал, что занимается противозаконной деятельностью, в частности «заказывал» хищение определенных марок стальных изделий.

При доказывании совершения преступлений экономической направленности организованной преступной группой или преступным сообществом следует собрать необходимые доказательства сплоченности группы. Признаки категории сплоченности, такие как согласованность коммуникативных целей речевых поступков, кооперативность речевого поведения, заинтересованность коммуникантов в продолжении контакта и активность во взаимной поддержке коммуникативных инициатив, положительный коммуникативный результат, выявляемые лингвистическими методами анализа речевого дискурса [2, с. 42]. Необходимо отметить, что исследование категории сплоченности целесообразнее проводить в рамках комплексной психолого-лингвистической экспертизы, так как данный

концепт в психологии наделен конкретно-научным содержанием.

При расследовании преступлений экономической направленности, совершенных организованной преступной группой, наиболее востребовано исследование распределения ролей и функций членов преступной группы или сообщества. О распределении ролей и функций свидетельствуют отображенные в разговорах членов группы речевые признаки статусного иерархического положения коммуникантов. Здесь следует отметить, что в компетенцию эксперта-лингвиста не входит выяснение структуры иерархии всей организации, эту задачу решает следователь, основываясь на результатах судебных лингвистических экспертиз. То есть вопрос о распределении ролей и функций коммуникантов ставится перед лингвистом по конкретной коммуникативной ситуации. В разных ситуациях одни и те же члены группы могут исполнять разные роли, в одном случае роль исполнителя, а в другом случае, с иным составом участников – роль руководителя. Именно субъект доказывания сопоставляет полученные данные и определяет иерархию преступной группы, распределение ролей и функций ее участников.

В постановлении о назначении судебной лингвистической экспертизы выносятся вопросы: «Каковы роли и функции собеседников в представленной на фонограмме речевой ситуации и о каких действиях и их субъектах, событиях и их участниках, а также обстоятельствах действий или событий идет речь?». В зависимости от задач следствия вопрос о действиях и событиях можно сужать до необходимого предела. Например, при расследовании уголовного дела по факту организации и проведения азартных игр с целью выяснения конфигурации коммуникативной сети организации, состоящей из точек принятия решений и информационных потоков по направлению к ним, эксперту-лингвисту был поставлен вопрос о наличии в разговорах «запроса на принятие решения» [4, с. 10]. По результатам решения данного вопроса в последующем субъектом доказывания идентифицируется поток коммуникации – от нижнего уровня в организационной иерархии к более высокому. Эта информация содержалась в частности в таких высказываниях как «А: Алло, Вован, / В: Алло, что, бабки на Киевской, да, брать? / А: Да». «В: Слушай, это, что, надо

порешать, что как парням платить. Работы много так-то. Мы уже два часа только грузимся. / А: Не обидеть их сориентируйся чтоб...».

Характерной особенностью организованного преступного сообщества, кроме обозначенных выше, выступает пирамидальная иерархическая структура, на вершине которой находится криминальный авторитет (лидер, организатор, руководитель). Для установления роли руководителя преступного сообщества следует определить, что данное лицо занимает высшее положение в преступной иерархии, то есть собрать сведения о том, в чем конкретно выразились действия организатора по созданию или по руководству преступной группой или сообществом, каким образом осуществлялись координирование преступных действий, их планирование, распределение функций между другими членами преступной группы или сообщества, распределение полученных от противозаконной деятельности денежных средств [7, с. 26–27].

Организаторы и руководители преступного сообщества несут ответственность за все преступления, охватываемые их умыслом и совершенные членами сообщества, которое они организовали или которым руководили [12, с. 55]. Вследствие этого для субъекта доказывания особенно важно выяснить, кто является таким лидером, и, что сложнее всего, доказать его руководящую роль. Экспертная практика показывает, что вербализация концепта «власть» оказывается наиболее диагностически значимым признаком для установления наивысшего положения лица в преступной иерархии. Понятийное ядро концепта «власть» включает такие семантические составляющие, как «доминирование», «способ

ность контролировать», «сила», «влияние», «принуждение», «авторитет», языковые репрезентаты которых и должны быть выявлены в ходе экспертного лингвистического анализа [7, с. 31].

Зачастую организатор остается за рамками расследования, так как коммуникацию с подчиненными он осуществляет при непосредственном общении, вследствие чего у правоохранительных органов не имеется вещественных доказательств в виде аудиозаписей телефонных переговоров или переписки в мессенджерах, обличающих руководителя группы. Тем не менее роль организатора в некоторых случаях можно выяснить по содержанию коммуникативных актов нижестоящих участников группы: «Петрович передал, что нужно перевезти груз», «Петрович сказал, чтобы ты сам это сделал», «Не дури, ты сам знаешь, кто приказал».

При расследовании преступлений экономической направленности, совершенных организованной преступной группой, результаты судебной лингвистической экспертизы могут способствовать: установлению смыслового наполнения актов коммуникации подозреваемых (в случае маскировки содержательных элементов речи) и предназначения передаваемых денежных средств; определению состава участников организации, их ролей и функций; выявлению организатора и руководителя группы или преступного сообщества. Работа по усовершенствованию качества экспертного сопровождения исследуемой категории дел позволит сократить количество нераскрытых преступлений, привлечь к ответственности всех виновных лиц.

Список источников

1. Багаутдинов Ф. Н. Некоторые вопросы статистического учета преступлений экономической направленности // *Законность*. 2016. № 5 (979). С. 25–27.
2. Бельская Н. С. Категория сплоченности в судебной лингвистической экспертизе по делам, связанным с противодействием организованной преступности // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2015. № 12–1 (54). С. 41–43.
3. Бельская Н. С. Разработка методики судебной лингвистической экспертизы групповой коммуникации при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2015. № 12–2 (54). С. 35–38.
4. Бельская Н. С. Речевое действие «Запрос на принятие решения» в судебной лингвистической экспертизе групповой коммуникации при расследовании преступлений, совершенных преступным сообществом (преступной организацией) // *Вестник Томского государственного университета*. 2015. № 398. С. 5–14.

5. Бояркина Н. А. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений, совершенных организованными преступными группами в сфере экономики // Сибирский юридический вестник. 2009. № 2 (45). С. 92–96.
6. Галяшина Е. И. Судебная лингвистическая экспертиза: учебник. М.: Проспект, 2021. 424 с.
7. Галяшина Е. И. Использование результатов судебной лингвистической экспертизы телефонных и иных переговоров в целях выявления организатора или руководителя организованного преступного сообщества // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 1. С. 25–31.
8. Дильдин Ю. М. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. М.: ЭКЦ МВД России, 2010. 568 с.
9. Ищенко П. П. Актуальные проблемы судебно-экспертного обеспечения расследования организованной преступной деятельности // Пролог: журнал о праве. 2019. № 4 (24). С. 40–45.
10. Молчанова Т. В. Организованная преступность в сфере экономической деятельности: состояние и тенденции развития // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 3. С. 111–117.
11. Молчанова Т. В., Гаджимурадов Ш. А. Статистическое измерение преступлений, совершенных организованной преступной группой и преступным сообществом в сфере экономической деятельности // Безопасность бизнеса. 2019. № 4. С. 51–56.
12. Мондохонов А. Н. Специальный субъект организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) // Уголовное право. 2010. № 5. С. 53–57.
13. Привалов А. В. О значении направленности и характера преступлений для их классификации // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 2. С. 199–202.
14. Расторопова О. В., Нечаев А. Д. Преступления экономической направленности: понятие, признаки, система // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 2. С. 121–124.
15. Рожков И. И. Родовая криминалистическая модель процесса раскрытия экономических преступлений и ее практическое использование: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2001. 176 с.

References

1. Bagautdinov F. N. [Some issues of statistical recording of crimes of economic orientation]. *Zakonnost' [Legal order]*, 2016, no. 5 (979), pp. 25–27. (in Russ.)
2. Bel'skaya N. S. [The category of cohesion in forensic linguistic examination in cases related to countering organized crime]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological sciences. Issues of theory and practice]*, 2015, no 12–1 (54), pp. 41–43. (in Russ.)
3. Bel'skaya N. S. [Development of methodology of forensic linguistic examination of group communication in the investigation of crimes in the sphere of economic activity]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological sciences. Issues of theory and practice]*, 2015, no. 12–2 (54), pp. 35–38. (in Russ.)
4. Bel'skaya N. S. [Speech action "Request for decision" in forensic linguistic examination of group communication in the investigation of crimes committed by a criminal community (criminal organization)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University]*, 2015, no. 398, pp. 5–14. (in Russ.)
5. Boyarkina N. A. [Criminalistic support of investigation of crimes committed by organized criminal groups in the sphere of economy]. *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik [Siberian Law Bulletin]*, 2009, no. 2 (45), pp. 92–96. (in Russ.)
6. Galyashina E. I. *Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza [Forensic linguistic examination]*. Moscow, 2021, 424 p. (in Russ.)
7. Galyashina E. I. [Use of forensic linguistic examination of telephone and other conversations to identify the organizer or leader of an organized criminal association]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, 2019, no. 1, pp. 25–31. (in Russ.)
8. Dil'din Yu. M. *Tipovye ekspertnye metodiki issledovaniya veshchestvennykh dokazatel'stv [Typical expert techniques for the examination of physical evidence]*. Moscow, 2010, Vol. 1, 568 p. (in Russ.)

9. Ishchenko P. P. [Actual problems of forensic support of investigation of organized criminal activity]. *Prolog: zhurnal o prave [Prologue: a law journal]*, 2019, no. 4 (24), pp. 40–45. (in Russ.)
10. Molchanova T. V. [Organized crime in the sphere of economic activity: status and development trends]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence]*, 2021, no. 3, pp. 111–117. (in Russ.)
11. Molchanova T. V. [Statistical measurement of crimes committed by organized criminal groups and criminal associations in the sphere of economic activity]. *Bezopasnost' biznesa [Business security]*, 2019, no. 4, pp. 51–56. (in Russ.)
12. Mondokhonov A. N. [Special subject of organizing or participating in a criminal association (criminal organization)]. *Ugolovnoe pravo [Criminal law]*, 2010, no 5, pp. 53–57. (in Russ.)
13. Privalov A. V. [The importance of the direction and nature of offences for their classification]. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve [Gaps in Russian legislation]*, 2014, no 2, pp. 199–202. (in Russ.)
14. Rastoropova O. V., Nechaev A. D. [Crimes of economic orientation: concept, signs, system]. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve [Gaps in Russian legislation]*, 2017, no. 2, pp. 121–124. (in Russ.)
15. Rozhkov I. I. *Rodovaya kriminalisticheskaya model' protsessa raskrytiya ekonomicheskikh prestupleniy i ee prakticheskoe ispol'zovanie [A generic forensic model of the process of detection of economic crimes and its practical use Diss. Kand. (Law)]*. Izhevsk, 2001, 176 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Папоян Наталья Павловна, доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы, ст. преподаватель кафедры лингвистики и перевода, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия.

Information about the author

Natalie P. Papoyan, Associate Professor of the Department of Criminal Process, Criminalistics and Judicial Examination, Senior Lecturer of the Department of Linguistics and Translation, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia.

*Поступила в редакцию 22 августа 2023 г.
Received August 22, 2023.*